

Бахарев Д.В.

МЕСТО И РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. В статье анализируются идейные предпосылки, содержание и опыт использования пространственного анализа в изучении закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности и причинного комплекса преступности в целом. Описаны перспективы использования результатов пространственного анализа развития социально-экономических процессов в повышении эффективности функционирования системы социального контроля над преступностью. Анализ современной социально-политической обстановки в Российской Федерации в территориальном разрезе дает основание рассматривать преступность в качестве одного из параметров состояния социальной общности определенного уровня. Криминологическими исследованиями подтверждена тесная взаимосвязь преступности с социальным самочувствием членов данной общности – чем лучше оно (в сравнении с социальным самочувствием членов типологически однородных общностей людей), тем ниже показатели преступности. В свою очередь, социальное самочувствие населения определённой социально-территориальной общности зависит от темпов и вектора ее развития: чем динамичнее и поступательнее осуществляется развитие определённой социальной общности в социально-экономическом и иных аспектах, тем выше степень социального самочувствия населения данной общности. Показатели преступности выступают в качестве индикатора состояния социального организма определенного масштаба (на уровне поселения, региона или страны в целом), «срабатывание» которого, т.е. сравнительное ухудшение показателей преступности в нем сигнализирует о возникновении внутри данного организма определенных дисфункций. Наиболее неблагоприятной из них, ведущей к стабильному увеличению уровня преступности, является возникновение дисбаланса между потенциалом социально-экономического развития, которым обладает определенная общность на определенном этапе исторического развития людского сообщества в целом, и характером и темпами такого развития в реальности. Чем шире становится «вилка» между потенциальными возможностями и реальными результатами социально-экономического развития региона или населенного пункта, тем заметнее ухудшается социальное самочувствие большинства его членов и, соответственно, возрастают темпы роста показателей преступности и иных негативных проявлений социальной девиации внутри данной общности. При рассмотрении преступности в подобном ракурсе должно произойти изменение приоритетов в части планирования и реализации социально-экономической политики на любом уровне (федеральном, региональном, поселенческом): снижение уровня преступной активности населения не должно рассматриваться ни в качестве цели, ни в качестве одной из задач при планировании подобной политики. Показатели преступности и их динамика должны быть заложены в качестве одного из целевых индикаторов при оценке эффективности реализации социально-экономической политики на всех уровнях. Представители властных и управленческих структур при осуществлении возложенных на них полномочий должны ставить перед собой цель успешной реализации мероприятий по всем направлениям социально-экономического развития своих регионов или населенных пунктах; при этом позитивная динамика показателей преступной активности населения этих территорий будет выступать в качестве одного из главных критериев наличия прогресса в достижении этой цели.

Ключевые слова: Преступность, Причины преступности, География преступности, Территориальные различия преступности, Пространственный анализ, Территориальные социально-экономические системы, Факторы социально-экономического развития, Политико-экономические институты, Социальный контроль, Институциональная структура общества.

Abstract. This article analyses the ideological prerequisites, content, and experience of application of the spatial analysis in examination of regularities of the establishment of territorial differences of crime indexes and causative complex of criminality in general. The author describes the prospects of implementation of the results of spatial analysis of development of the socioeconomic processes in increasing the efficiency of functionality of a system of social control over crime. Analysis of the modern sociopolitical situation in the Russian Federation from a territorial perspective gives grounds to review criminality as one of the parameters of the state of social community of certain level. A strong interrelation of criminality with the social wellbeing of the members of this community is subjected to criminological research – the better it is (in comparison with the social wellbeing of the members of typologically similar communities of people), the lower are the crime indexes. In its turn, the social wellbeing of population of a specific social territorial community depends on the rates and vectors of its development: the more dynamic and gradual is the development of a peculiar social community in socioeconomic or other aspects, the higher is the level of social wellbeing of people within this community. Crime indexes serve as an indicator of the state of social organism of certain scale (on the level of settlement, region, or country as a whole), the “activation” of which, i.e. a comparative decline of crime indexes, alerts about the emergence of a certain dysfunction inside this organism. The most unfavorable among them that leads to a stable increase of the crime rate, is the occurrence of misbalance between the potential of socioeconomic development, and the character and rates of such development in reality. Crime indexes along with its dynamics must one of the targeted indicators in evaluation of efficiency of implementation of the socioeconomic policy on all levels.

Key words: Spatial analysis, Territorial socioeconomic systems, Factors of socioeconomic development, Political-economic institutions, Social control, Institutional structure of society, Territorial differences of crime, Geography of crime, Causes of crime, Criminality.

Познание механизма детерминации преступности – одна из основных задач криминологии. Отечественная наука в 1970-1980-х гг. серьезно продвинулась в ее решении, в том числе, и во многом благодаря организации широкомасштабных исследований в области изучения географии преступности или закономерностей формирования ее территориальных различий. Вместе с тем, необходимо отметить, что с начала 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени подобного рода исследования постепенно переместились на периферию криминологического знания. Это было обусловлено тем, что большая часть тех выводов, к которым пришли советские ученые, во многом противоречит реалиям сегодняшнего дня. В частности, криминологами Советского Союза было отмечено, что в большинстве случаев в регионах с наибольшим коэффициентом прибытия мигрантов фиксировался и повышенный уровень преступности; в регионах же с наименьшим коэффициентом прибытия, напротив, данный показатель был гораздо ниже.

Однако в наши дни даже предварительное изучение показателей преступности в регионах с наибольшим оттоком и притоком мигрантов свидетельствует о том, что показатели преступности в регионах-«донорах» значительно превышают аналогичные показатели в регионах-«реципиентах». Кроме того, если в советский период регионы интенсивного экономического освоения всегда были «проблемными» в плане преступности, то в современных условиях, напротив, активно развивающиеся в социально-экономическом плане территории, как правило, характеризуются относительно невысокими (в сравнении со среднероссийскими) показателями преступности.

Таким образом, ответа на вопрос о том, какие факторы в наши дни влияют на рост или снижение уровня преступности в субъектах Российской Федерации и, соответственно, формируют картину территориального распределения показателей преступности на территории России – географию российской преступности – пока не получено. Проводимые в последние

десятилетия исследования в этой области направлены, в большинстве случаев, на решение сугубо «описательных» задач: в них фиксируется картина уровня, структуры и динамики преступности по регионам Российской Федерации, но сколько-либо серьезного прогресса в области объяснения закономерностей формирования подобной картины в условиях уже не планового, а рыночного способа хозяйствования, пока не произошло.

Можно ли исправить эту ситуацию? Для ответа на данный вопрос, как нам представляется, необходимо проследить эволюцию процесса научного осмысления самого феномена преступности и причин ее существования, поскольку, на наш взгляд, процесс формирования территориальных различий показателей преступности (или географии преступности) целиком зависит от содержания причинного комплекса преступности и специфики его проявления в конкретных общественно-политических и социально-экономических условиях функционирования социума.

Для начала следует сказать, что проблема обусловленности преступного поведения человека находится в спектре внимания исследователей фактически с момента зарождения системного научного знания в эпоху Античности. Однако вплоть до начала Нового времени в умах мыслителей доминировало представление о преступлении как о *единичном, исключительном акте, своеобразном поведенческом эксцессе конкретного индивидуума*. В качестве причин, обуславливающих его совершение, чаще всего называли традиционные людские пороки и гораздо реже – конкретные недостатки государственного управления. Колоссальный интеллектуальный прорыв в данной области совершил в первой трети XVI в. Т. Мор, впервые разглядевший за суммой индивидуальных актов преступного характера очертания самостоятельного общественного явления – преступности. Не менее гениальной (с высоты накопленного к сегодняшнему дню научного знания) видится и его понимание источника преступности: Мор видел его в *несовершенстве устройства и порядка функционирования общественного организма в целом*.

Эти взгляды создателя «Утопии» получили отклик у его последователей на ниве научного знания лишь спустя три столетия, в эпоху Просвещения. К началу XIX столетия в умах наиболее выдающихся представителей философской

и социально-политической мысли Западной Европы сложилось, в целом, сходное восприятие преступности в качестве своеобразного общественного феномена. При этом все чаще начинает высказываться и более решительно отстаиваться позиция о том, что плодотворное воздействие на преступность со стороны государства с целью снижения числа совершаемых его гражданами преступлений, возможно *за счет осуществления широкого круга организационных, административных, финансовых и иных мер по улучшению элементарных, бытовых условий жизни населения*. Роль же, отводимая карательному законодательству вообще, и ужесточению уголовного наказания в частности, в системе государственных мер по противодействию преступности виделась их авторам гораздо менее важной [1, с.6-8]. В связи с этим, все чаще у них встречается мысль о необходимости разработки широкого комплекса мер по сбору информации (в первую очередь, конечно, статистической), адекватно характеризующей состояние дел как в области преступности, так и в других наиболее важных сферах жизни общества. Соответственно, в течение XIX века в умах наиболее прогрессивных представителей общественно-политических кругов Европы постепенно выкристаллизовывается идея о необходимости формирования нового научного направления, занимающегося сбором и анализом таких данных, а также разработкой на этой основе рекомендаций по соответствующему изменению вектора внутренней политики в государстве в целом и в отдельных его регионах в частности.

Первым в России к подобным выводам пришел А.Н. Радищев, разработавший специальную программу осуществления сбора и обработки информации о совершаемых на территории Российской империи преступлениях. Кроме того, одним из первых в мировой науке он оценил значимость такого приема в познании причин преступности как анализ ее показателей по отдельным территориям одного государства [2, с.140-142]. На протяжении всего XIX в. данный метод научного поиска будет встречаться в работах практически каждого серьезного исследователя феномена преступности. Произошло это, в том числе, и благодаря влиянию идей позитивизма, заострившего внимание мыслителей на эмпирических методах организации научного поиска.

Использование концепции позитивизма в поиске корней преступности привело к фор-

мированию двух основных подходов в данном направлении исследований – *социологического* и *антропологического*. Исходным толчком к появлению первого послужило возникновение статистики и, соответственно, статистических методов изучения общественных процессов. В наступившем затем периоде резкого подъема научного интереса к анализу статистического материала закономерно последовал и его спад, обусловленный крайней ограниченностью только еще формирующейся статистической базы. Поэтому вполне естественной представляется смена вектора в изучении истоков преступного поведения в форме постепенной трансформации метода дедукции (объективно нуждающегося в использовании широких массивов статистической информации) в индуктивный, применение которого подразумевает не только возможность, но, более того, необходимость самостоятельного сбора статистических данных, характеризующих предмет исследования. Подобная методология организации научного поиска в области познания причин преступного поведения отличала представителей антропологической школы. В качестве формальной черты, разделяющей «социологов» и «антропологов», следует считать их позицию по вопросу соотношения биологического и социального начала в механизме конкретного, единичного преступления. Диапазон высказываемых при этом мнений варьировался от признания ведущей (в первых трудах юристов-антропологов) или значительной (применительно к отдельным группам преступлений – в более поздних их работах) роли биологического начала в генезисе отдельного преступления, до полного отрицания значения последнего и абсолютизации факторов социального порядка (у криминалистов крайне-социалистического толка).

При этом сама преступность представлялась в умах первых криминологов уже не в виде простой совокупности юридических фактов (т.е. совершенных общественно опасных деяний, охватываемых содержанием уголовного законодательства того или иного государства), но виделась им в качестве *сложного феномена общественной среды, имеющего в своей основе специфические закономерности развития социума*. В результате все более четко начинает прослеживаться идея о недопустимости смешения содержания понятий причин преступления и причин преступности. Если причинами совершения преступления могут выступать как индивиду-

альные факторы, так и социальные (а чаще всего их сочетание), то применительно к причинам преступности речь должна идти фактически исключительно об их социальной природе. Все это свидетельствовало о сложившемся в Западной Европе на означенном историческом рубеже широком социологическом подходе к выяснению истоков преступности, проявившемся, в первую очередь, в признании примата характера и свойств общественной среды в генезисе преступности и, соответственно, в осознании необходимости выявления и изучения этих свойств с помощью, прежде всего, статистического анализа.

Процесс теоретического осмысления феномена преступности и ее причин и в отечественной, и в западноевропейской криминологической науке на протяжении 2-й пол. XIX и в течение XX вв. развивался, преимущественно, в рамках широкой социологической традиции, испытывая влияние определенных социологических теорий. В результате, тот теоретико-методологический фундамент, на котором базируется современная российская криминология, сформировался еще в советский период под влиянием господствовавшего тогда марксистского мировоззрения. Его отличительными особенностями стали, во-первых, *декларирование имманентно противоречивой сущности общественного организма, в котором социальные противоречия играют роль двигателя социального прогресса*, а во-вторых, *ярко выраженный макроуровневый подход к выявлению и объяснению закономерностей функционирования общественных явлений и процессов, включая преступность*.

Указанные особенности способствовали формированию в отечественной криминологии *детерминистского* подхода к познанию причин преступности (принципиально отличающегося от доминирующего в мировой криминологической науке *каузального (причинного)* подхода), исходная теоретическая посылка которого заключается в следующем: *преступность, выступая в качестве одной из характеристик состояния общественного организма, детерминируется не отдельными элементами или явлениями общественной жизни, а всей совокупностью социально-экономических, общественно-политических и других факторов, воздействующих на преступность посредством интегрированного взаимодействия друг с другом* [3, с.57].

В рамках исследований, базирующихся на детерминистской теоретической платформе,

основное внимание уделяется не выявлению конкретных факторов, находящихся в корреляционной взаимосвязи с показателями преступности (каузальный подход), а познанию тех закономерностей, которым подчинена динамика преступности в трансформирующейся социальной системе. Любое значимое изменение показателей преступности при подобном подходе необходимо рассматривать в качестве проявления дисфункции общественного организма (наряду с иными социальными девиациями), т.е. отклонения от «нормального» порядка функционирования общества на определенном его историческом этапе. Таким образом, подобная социальная дисфункция должна рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего повышение уровня преступной активности членов общества [4, с.33-35].

К подобным выводам отдельные представители советской криминологической науки пришли лишь в 1980-х гг. До этого в ней преобладали исследования в области изучения причинного комплекса преступности, осуществляемые в рамках каузального подхода. Наиболее масштабно и плодотворно они реализовывались в рамках такого направления как изучение закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности. Его сущность сводилась к: а) анализу и сравнению показателей преступной активности населения определенных территориальных систем различного уровня (города, села, района, региона, республики); б) выявлению определенных явлений и процессов (экономических, социальных, демографических, культурных и т.д.), специфическим образом проявляющихся в рамках данных территориальных систем; и в) установлению их взаимосвязи с показателями преступности в рамках указанных территорий [5, с.1590-1595].

В условиях существовавшей в СССР административно-командной системы и плановой экономики результаты подобного рода исследований имели большое значение для практики организации профилактической деятельности. Всеобщее долгосрочное планирование развития практически всех сфер жизни советского общества давало возможность заранее с большой степенью вероятности спрогнозировать и криминогенные последствия тех мероприятий социально-экономического характера, которые намеревался осуществить партийно-хозяйственный аппарат на той или иной территории страны. Соответственно, уже на этапе планиро-

вания у специалистов имелась возможность дать обоснованный прогноз изменения показателей преступности на этой территории и разработать программу мероприятий, направленных на нейтрализацию подобных последствий.

Одновременно с актуализацией детерминистской концепции поиска причин преступности советскими криминологами был выявлен целый ряд затруднений теоретического свойства, без разрешения которых изучение закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности, базирующееся на идейной платформе детерминистского подхода, было невозможным. В частности, отечественными специалистами акцентировалось внимание на том, что процесс познания закономерностей функционирования сложных социальных систем, к которым относятся территориально-пространственные системы регионального (поселенческого) уровня, целесообразно осуществлять не на статической, а на динамической основе. Это, в свою очередь, предполагает знание закономерностей функционирования той или иной социальной системы, т.е. тех факторов, которые определяют характер, специфику и направленность происходящих в ней основных социально-экономических процессов [6, с.16-18].

В советский период решение задачи по познанию закономерностей функционирования территориальных социально-экономических образований регионального (поселенческого) уровня было существенно затруднено, во-первых, потому что в условиях плановой парадигмы развития общества системный характер функционирования ни регионам, ни городам объективно не был присущ, а во-вторых, в силу явного недостатка внимания по отношению к социальной сфере со стороны советской общественной науки в целом. После распада СССР, ввиду отсутствия понимания тех закономерностей, которым подчинен процесс функционирования и развития социально-территориальных систем поселенческого и регионального уровней в условиях формирования экономики рыночного типа и, как следствие, невозможности адекватного объяснения тех изменений, которые происходили в сфере преступности на постсоветском пространстве, детерминистская концепция выявления причин преступности постепенно стала утрачивать свое влияние.

Напротив, каузальный подход к объяснению причин преступности в пореформенный

период вновь вышел на первый план. Предпринятые в последние два десятилетия не только криминологами, но и специалистами в области смежных наук общественного цикла исследования в области изучения причин территориальных различий преступности позволили выявить явления социально-экономической действительности, оказывающие существенное влияние на изменение уровня, динамики и структуры преступности в трансформировавшихся условиях жизнедеятельности российского социума, дали возможность построить эконометрические модели взаимосвязи показателей преступности и различных социально-экономических и демографических факторов, но, тем не менее, не смогли сколько-либо исчерпывающе описать те закономерности, которым подчинен процесс формирования территориальных различий показателей преступности, а, следовательно, и сам механизм детерминации преступности в современном российском обществе [7, 132-139; 8, с.12-16].

Ключом к выходу из этой ситуации, как представляется, должно послужить возобновление исследований по изучению закономерностей формирования территориальных различий преступности в современной России, базирующихся на идейной платформе детерминистского подхода к поиску причин преступности. Благодаря достижениям региональной экономики и социально-экономической географии, на стыке которых в настоящее время формируется новое междисциплинарное направление по изучению социально-экономических процессов в пространственной проекции, те закономерности, которым подчинен процесс развития территориальных социально-экономических систем (регионов и населенных пунктов) в условиях рыночного способа хозяйствования, также могут быть установлены, а знание этих закономерностей может быть использовано в криминологических исследованиях по указанной проблематике [9, с.93-99].

В частности, представителями пространственной науки установлено, что основными факторами, определяющими вектор и динамику развития социально-экономических процессов в пространстве регионов России в современных исторических условиях, выступают: 1) экономико-географическое положение региональной социально-экономической системы; 2) характер и структура поселенческой сети и, в первую очередь, городов; 3) численность и плотность

населения; 4) уровень развитости инфраструктуры (прежде всего, транспортных артерий); 5) степень привлекательности территории с точки зрения жителей других регионов страны и иностранцев; 6) состояние экономической базы региона; 7) специфика сложившейся институциональной среды региона; 8) степень проявления в нем процесса сжатия социального пространства [10, с.306-312].

Познание закономерностей функционирования территориальных систем регионального уровня на территории России можно осуществлять на основе анализа и оценки указанных факторов пространственного развития социально-экономических процессов. Выявление же и последующее использование закономерностей функционирования таких общностей в целях познания механизма детерминации преступности – *пространственный анализ причинного комплекса преступности* – будет представлять собой одно из направлений исследования причинного комплекса преступности посредством изучения закономерностей формирования территориальных различий ее показателей. Соответственно, *пространственный анализ* будет являться самостоятельным направлением научных исследований, осуществляемых в рамках *географии преступности*; последняя, в свою очередь, должна позиционироваться в качестве *отдельного раздела криминологической теории детерминации, изучающего причинный комплекс преступности в территориальном аспекте* [11, с.32-38].

Общеметодологическая схема пространственного анализа причинного комплекса преступности включает в себя три основных этапа: 1) пространственный анализ процесса функционирования социально-территориальных общностей, расположенных в границах, очерченных административно-территориальным делением государства (например, границами субъектов Российской Федерации), относящихся к одной типологической подгруппе с точки зрения потенциала их социально-экономического развития; 2) анализ тенденций преступности в данных социально-территориальных общностях; 3) сопоставление результатов, полученных в ходе пространственного анализа процесса функционирования социально-территориальных общностей и анализа тенденций преступности в них; описание выявленных закономерностей функционирования механизма детерминации преступности в рассматриваемых социально-территориальных общностях [12, с.434-440].

Основная *гипотеза*, обоснованность которой может быть проверена посредством пространственного анализа причинного комплекса преступности заключается в следующем: наиболее благоприятная в социально-экономическом плане обстановка, проявляющаяся в более высоких показателях уровня и динамики экономического развития территории, темпов воспроизводства её демографической базы, уровня здоровья, а также качества её населения в целом (уровень образования и т.д.), должна сформироваться в тех территориальных системах регионального уровня, в которых тенденции сжатия социально-освоенного пространства проявляются в наименьшей степени, тогда как позитивные урбанизационные и миграционные процессы, напротив, наиболее активны. Эти же территориальные системы, предположительно, будут отличаться и наиболее благоприятной криминогенной обстановкой: динамичный и поступательный вектор их социально-экономического развития должен благотворно сказаться на общем социальном самочувствии населения данных территориальных систем. Напротив, повышение градуса социального неблагополучия, увеличение масштабов и углубление степени социальных противоречий увеличивает вероятность возникновения частных проблемных (конфликтных) ситуаций, которые в каждом отдельном случае могут разрешиться и путем совершения преступления. Отсюда ухудшение показателей преступности должно рассматриваться в качестве сигнала о наличии определенных отклонений от «нормального» варианта процесса функционирования определенной территориальной социально-экономической системы. Эти отклонения или дисфункции должны рассматриваться в качестве причины ухудшения показателей преступности в рамках данной территориальной системы [13, с.96-108].

В результате осуществления пространственного анализа причинного комплекса преступности в ряде регионов Центрального федерального округа России было установлено следующее. Социальное самочувствие населения региона, одним из основных показателей состояния которого является уровень преступности, зависит, во-первых, от потенциала, которым обладает каждая региональная социально-экономическая система, а во-вторых – от степени реализации этого потенциала, определяемой реально достигнутыми результатами экономического, де-

мографического, социального и иных аспектов развития региональных систем. Чем выше подобный потенциал, чем шире диапазон возможностей для успешного социально-экономического развития региона, тем более высоких результатов в данном отношении он должен добиться. Неполноценная реализация заложенного потенциала ведет к ухудшению степени социального самочувствия населения региона и, с неизбежностью, к нарастанию негативных тенденций в сфере преступности. Соответственно, *основной причиной*, обуславливающей ухудшение состояния социального самочувствия населения и, соответственно, последующий рост уровня преступности в рамках той или иной региональной социально-экономической системы, выступает *возникающий дисбаланс между тем потенциалом социально-экономического развития, которым обладает конкретная социальная общность на определенном этапе исторического развития людского сообщества в целом, и направленностью (вектором) и динамикой такого развития в реальности* [14, с.90-109; 15, с.1-40].

В качестве *условий*, способствующих возникновению подобного рода дисфункций в жизнедеятельности социально-территориальной общности, на сегодняшнем историческом этапе развития отечественного социума выступают недостатки в устройстве механизма государственно-общественного управления социально-экономическими процессами. Сложившаяся в настоящее время система политических институтов на уровне регионов России, создает значительные препятствия на пути полноценной реализации как природно-ресурсного, так и человеческого потенциала этих регионов. Однако те общероссийские общественно-политические и социально-экономические условия, в которых сегодня вынуждены функционировать социально-территориальные системы регионального уровня, настолько неблагоприятны, что могут оказать негативное воздействие даже на позитивный вектор социально-экономического развития региональной социально-территориальной системы.

Важнейшим из этих условий, во многом определяющим возникновение и характер развития всех остальных, является *гипертрофированная и малоэффективная система государственно-политических институтов, функционирующая, к тому же, в условиях явного дисбаланса, т.е. доминирования по отношению к общественно-политическим институтам рос-*

сийского общества. Последние не могут полноценно выполнять роль противовеса государственным структурам, что, в итоге, отрицательно влияет на состояние и динамику развития экономических институтов российского общества в последнее десятилетие, ведет к монополизации экономической сферы в целом [16, с.138-148]. Преодоление этих противоречий, возвращение к модели поступательного социально-экономического развития возможно лишь при условии коренного реформирования политической структуры российского общества на принципах, зафиксированных в Конституции РФ. Изменение в подобном ключе политической, а затем и социально-экономической ситуации в стране в целом создаст дополнительные, но теперь уже позитивные условия для реализации благоприятных сценариев изменения социально-экономической ситуации на уровне регионов и муниципалитетов. Соответственно, в этом случае должен измениться в благоприятную сторону и вектор развития криминогенной ситуации и в регионах, и в стране в целом.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах должна произойти и смена приоритетов в части планирования и реализации социально-экономической политики любого уровня (федерального, регионального и поселенческого): снижение показателей преступности не должно рассматриваться ни в качестве цели, ни в качестве одной из задач осуществления подобной политики. Показатели преступности и их динамика должны быть заложены в качестве одного из целевых индикаторов при оценке эффективности реализации стратегий социально-экономического развития различного уровня. Иными словами, представители властных и управленческих структур при осуществлении возложенных на них полномочий должны ставить перед собой цель успешной реализации мероприятий по всем направлениям социально-экономического развития своих регионов или населенных пунктах; при этом позитивная динамика показателей преступной активности населения этих территорий будет выступать в качестве одного из главных критериев наличия прогресса в достижении этой цели.

В отсутствие же трансформационных процессов в политической сфере российского общества значимое воздействие на региональные социально-экономические процессы в целях минимизации масштабов влияния указанной причины также теоретически мыслимо. Но

осуществляться оно в таких условиях может исключительно на планово-директивной основе, с использованием в необходимых случаях института юридической ответственности субъектов профилактической деятельности [17, с.23-30]. Однако даже предварительная прогнозная оценка эффективности подобного механизма профилактического воздействия на причинный комплекс преступности является достаточно низкой ввиду изначальной дефектности и уязвимости самой модели централизованного управления общественными процессами на современном этапе развития человеческой цивилизации.

Таким образом, решение проблемы организации эффективного социального контроля над преступностью возможно, на наш взгляд, лишь в условиях обеспечения возможности *поступательного и прогрессивного развития страны в социально-экономическом отношении*. Подобное развитие, в свою очередь, возможно лишь при формировании в этой стране эффективных (или, пользуясь терминологией Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, *инклюзивных* [18, с.105-108]) экономических институтов (свободной конкуренции, отсутствия ограничений для входа на рынок, обеспечения права собственности, формирования условий для развития инноваций и т.д.). Долговременный же тренд поступательного развития экономической и социальной сфер общества может быть обеспечен только за счет влияния инклюзивных политических институтов (выборности и сменяемости власти, политического плюрализма, независимых судебных органов и СМИ и т.д.) [18; 19, с.193-196]. В конечном счете, проблема контроля преступности, а равным образом, как видится, и все остальные проблемы функционирования социума, упирается в проблему институциональной структуры общества и эффективности составляющей ее политических и экономических институтов. Это означает, по нашему мнению, что вектор развития криминологической науки (так же, как и многих других наук общественного цикла – экономики социологии и др.), по крайней мере, в исследованиях, посвященных изучению преступности как общественного феномена и механизма ее детерминации (т.е. проблемы макроуровня для данной науки) должен быть направлен в сторону институциональной теории, а именно – использования ее терминологической и методологической базы в исследованиях по данной проблематике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахарев Д.В. Причины преступности как политико-философская категория в работах деятелей французского Просвещения // История государства и права. 2012. №18. С.6-8.
2. Бахарев Д.В. Взгляды русских мыслителей XVIII века на проблему преступности (от И.Т. Посошкова до А.Н. Радищева) // Политика и общество. 2011. №11. С.136-142.
3. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №1. С.49-58.
4. Блувштейн Ю.Д. О причинной обусловленности преступности // Криминология и уголовная политика. – М., 1985. С.33-36.
5. Бахарев Д.В. Вопросы теории и методологии изучения причин территориальных различий преступности в работах советских криминологов // Право и политика. 2014. № 10. С.1590-1595. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.10.13015.
6. Спиридонов Л., Лепс А. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. – Тарту, 1985. Вып. 725. С.3-18.
7. Бахарев Д.В. Современные исследования социально-экономических факторов преступности в работах экономистов: помощь или препятствие для криминологов // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. – Курск, 2010. С.132-139.
8. Бахарев Д.В. Критический анализ некоторых современных исследований территориальной дифференциации преступности в работах географов // Право и правосудие: теория, история, практика. – Краснодар, 2011. С.12-16.
9. Bakharev D.V. New Economic Geography and the Conception of Social Factors of Criminality: Areas of Common Interest and Prospects for Synthesis // International Journal of Criminology and Sociology. 2014. №3. P.93-99.
10. Бахарев Д.В. Пространственное мышление в криминологии. Часть I. Теоретические предпосылки и методологические основы применения методов пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности // Право и политика. 2016. №3. С.306-312. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.18131.
11. Бахарев Д.В. К вопросу о предмете и содержании географии преступности как одного из направлений исследования причинного комплекса преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. №1. С.32-38.
12. Бахарев Д.В. Пространственное мышление в криминологии. Часть II. Методология пространственного анализа социально-экономического развития регионов России // Право и политика. 2016. №4. С.434-440. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.18131.
13. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причин преступности. Часть 1. Теоретические основания и методика реализации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. №3. С.96-108.
14. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причин преступности. Часть 2. Опыт реализации на примере регионов Центрального федерального округа (2003-2013 гг.) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. №4. С.90-109.
15. Bakharev D.V. Spatial Analysis of Causes of Criminality: Theoretical Background, Methodology, Implementation Experience // Advances in Criminology Research. – New York, 2015. P.1-40.
16. Бахарев Д.В. «Время Левиафана», или почему регионы России вновь ожидает рост уровня преступности? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. №6. С.138-148.
17. Бахарев Д.В. Механизм профилактики общих причин преступности и его отражение в законопроекте «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. №4. С.23-30.
18. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М., 2015. 693 с.
19. Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. – М., 2014. 224 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bakharev D.V. Prichiny prestupnosti kak politiko-filosofskaya kategoriya v rabotakh deyatelei frantsuzskogo Prosveshcheniya // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. №18. S.6-8.

2. Bakharev D.V. Vzglyady russkikh myslitelei XVIII veka na problemu prestupnosti (ot I.T. Pososhkova do A.N. Radishcheva) // *Politika i obshchestvo*. 2011. №11. S.136-142.
3. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Otechestvennye nauchnye kontseptsii prichin prestupnosti // *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2014. №1. S.49-58.
4. Bluvshstein Yu.D. O prichinnoi obuslovlennosti prestupnosti // *Kriminologiya i ugolovnaya politika*. – M., 1985. S.33-36.
5. Bakharev D.V. Voprosy teorii i metodologii izucheniya prichin territorial'nykh razlichii prestupnosti v rabotakh sovetskikh kriminologov // *Pravo i politika*. 2014. № 10. S.1590-1595. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.10.13015.
6. Spiridonov L., Leps A. Teoreticheskie voprosy izucheniya territorial'nykh razlichii prestupnosti // *Teoreticheskie problemy izucheniya territorial'nykh razlichii prestupnosti*. – Tartu, 1985. Vyp. 725. S.3-18.
7. Bakharev D.V. Sovremennye issledovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov prestupnosti v rabotakh ekonomistov: pomoshch' ili prepyatstvie dlya kriminologov // *Ugolovnoe pravo v evolyutsioniruyushchem obshchestve: problemy i perspektivy*. – Kursk, 2010. S.132-139.
8. Bakharev D.V. Kriticheskii analiz nekotorykh sovremennykh issledovaniy territorial'noi differentsiatsii prestupnosti v rabotakh geografov // *Pravo i pravosudie: teoriya, istoriya, praktika*. – Krasnodar, 2011. S.12-16.
9. Bakharev D.V. New Economic Geography and the Conception of Social Factors of Criminality: Areas of Common Interest and Prospects for Synthesis // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2014. №3. P.93-99.
10. Bakharev D.V. Prostranstvennoe myshlenie v kriminologii. Chast' I. Teoreticheskie predposylki i metodologicheskie osnovy primeneniya metodov prostranstvennogo analiza v poznanii mekhanizma determinatsii prestupnosti // *Pravo i politika*. 2016. №3. S.306-312. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.18131.
11. Bakharev D.V. K voprosu o predmete i sodержanii geografii prestupnosti kak odnogo iz napravlenii issledovaniya prichinnogo kompleksa prestupnosti // *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2012. №1. S.32-38.
12. Bakharev D.V. Prostranstvennoe myshlenie v kriminologii. Chast' II. Metodologiya prostranstvennogo analiza sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii // *Pravo i politika*. 2016. №4. S.434-440. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.18131.
13. Bakharev D.V. Prostranstvennyi analiz prichin prestupnosti. Chast' 1. Teoreticheskie osnovaniya i metodika realizatsii // *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 2015. №3. S.96-108.
14. Bakharev D.V. Prostranstvennyi analiz prichin prestupnosti. Chast' 2. Opyt realizatsii na primere regionov Tsentral'nogo federal'nogo okruga (2003-2013 gg.) // *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 2015. №4. S.90-109.
15. Bakharev D.V. Spatial Analysis of Causes of Criminality: Theoretical Background, Methodology, Implementation Experience // *Advances in Criminology Research*. – New York, 2015. P.1-40.
16. Bakharev D.V. «Vremya Levafana», ilipochemuregiony Rossiivnov' ozhidaetrosturovnyaprestupnosti? // *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*. 2015. №6. S.138-148.
17. Bakharev D.V. Mekhanizm profilaktiki obshchikh prichin prestupnosti i ego otrazhenie v zakonoproekte «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii» // *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 2014. №4. S.23-30.
18. Adzhemoglu D., Robinson D. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. – M., 2015. 693 s.
19. Goldstoun D. Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500-1850. – M., 2014. 224 s.